

«Сталин думает о нас»: философско-политический подтекст культуры празднования Нового года в СССР в 1930–1950-е гг.

Аннотация

Введение. Статья посвящена комплексному философско-культурному анализу советской новогодней традиции 1930–1950-х гг. как особого символического механизма производства социального смысла, коллективной идентичности и нормативных ожиданий будущего в условиях атеистического государства; в фокусе исследования находится феномен Нового года как календарного праздника, который был институционально легитимирован советской властью в качестве сакрального времени и который в силу этого стал пространством формирования элементов гражданской религии, подменившей собой вытесненную традиционную конфессиональную систему.

Цель статьи заключается в выявлении философско-политического подтекста новогодних ритуалов, образов и нарративов, а также в анализе процессов сакрализации власти через праздничную культуру, ориентированную прежде всего на детство и семейную повседневность.

Материалы и методы. В качестве эмпирического материала используются тексты периодической печати, визуальные источники, художественные произведения, отражающие практику празднования Нового года в советском обществе.

Результаты исследования. В статье показано, что в новогоднем дискурсе фигура И. В. Сталина приобретает функции светского Деда Мороза, «отца народов» и гаранта исторического будущего, а Кремль конструируется как сакральный центр, откуда исходит забота, защита и обещание благополучия.

Обсуждение и заключение. Делается вывод, что советский Новый год выступал устойчивым элементом гражданской религии СССР, обеспечивая воспроизводство символического порядка, эмоциональное принятие власти и формирование специфического типа антропологической установки на ожидание чуда, связанного с государством. Полученные результаты могут быть использованы в дальнейших исследованиях философии культуры, политической мифологии и советской повседневности.

Ключевые слова: Новый год, СССР, гражданская религия, советская праздничная культура, И. В. Сталин, философская антропология, символическая политика.

Для цитирования: Грицай Л. А. «Сталин думает о нас»: философско-политический подтекст культуры празднования Нового года в СССР в 1930–1950-е гг. // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2026. Т. 26, № 1. С. 52–64. DOI: 10.24412/2078-9823.073.026.202601.052-064.

Lyudmila A. Gritsai

Yaroslavl State Pedagogical University (Yaroslavl, Russia)

e-mail: usan82@gmail.com

“Stalin Thinks of Us”: the Philosophical and Political Subtext of New Year Celebrations in the USSR, 1930s–1950s

Abstract

Introduction. This article is devoted to a comprehensive philosophical and cultural analysis of the Soviet New Year tradition of the 1930s–1950s as a unique symbolic mechanism for producing social meaning, collective identity, and normative expectations for the future within an atheist state. The study focuses on the phenomenon of New Year as a calendrical holiday, institutionally legitimized by Soviet authorities as sacred time, which consequently became a space for the formation of elements of civic religion, replacing the displaced traditional confessional system. The article aims to identify the philosophical and political subtext of New Year rituals, imagery, and narratives, as well as to analyze the processes of sacralizing state power through festive culture, primarily oriented toward childhood and family life.

Materials and Methods. Empirical material includes texts from periodical publications, visual sources, and literary works reflecting practices of New Year celebrations in Soviet society.

Results. The study demonstrates that, within the New Year discourse, the figure of Stalin assumes the functions of a secular Father Frost, the Father of the Nation, and a guarantor of the historical future, while the Kremlin is constructed as a sacred center from which care, protection, and the promise of well-being emanate.

Discussion and Conclusion. The article concludes that the Soviet New Year functioned as a stable element of civic religion in the USSR, ensuring the reproduction of symbolic order, emotional acceptance of state power, and the formation of a specific type of anthropological orientation toward the expectation of a miracle associated with the state. These findings may be applied in further research on cultural philosophy, political mythology, and Soviet everyday life.

Keywords: New Year, USSR, civic religion, Soviet festive culture, Stalin, philosophical anthropology, symbolic politics.

For citation: *Gritsai L. A. “Stalin Thinks of Us”: the Philosophical and Political Subtext of New Year Celebrations in the USSR, 1930s–1950s. Gumanitarian: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia = Russian Journal of the Humanities. 2026; 26(1): 52–64. (In Russ.) DOI: 10.24412/2078-9823.073.0265.202601.052-064.*

Введение

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью философского осмысления советской праздничной культуры как одного из ключевых инструментов формирования антропологического типа личности в условиях идеологически организованного общества, где именно повседневные практики становились носителями глубинных мировоззренческих

установок. Именно Новый год в данном контексте представляет собой особый исследовательский объект, поскольку он оказался единственным массовым праздником, который был не только сохранен, но и целенаправленно сконструирован и насыщен сакральными смыслами в рамках официально атеистического проекта.

Проблема исследования заключается в выявлении механизмов, посредством кото-

рых новогодний праздник выполнял функцию символического посредника между государством и частной жизнью человека.

Цель статьи состоит в философско-культурном анализе новогодних ритуалов и символов как средств сакрализации власти и формирования коллективных ожиданий, а задачами исследования являются реконструкция происхождения ключевых образов, интерпретация визуальных и текстовых источников и выявление антропологических эффектов праздничной культуры.

Обзор литературы

В работах С. Б. Адоньевой Новый год рассматривается как уникальное сакральное время, ратифицированное общественным атеистическим порядком и апеллирующее к архаическим формам мышления [1]. У М. Рольфа советские праздники анализируются как средство политической мобилизации и символического воздействия. Б. В. Куприянов и А. А. Порохова акцентируют внимание на трансформации детского новогоднего опыта и его влиянии на повседневную жизнь нескольких поколений [5]. Т. А. Круглова и Н. В. Саврас исследуют семиотику и сказочность новогоднего ритуала [4]. Л. В. Лебедева и Т. Б. Митина рассматривают праздничную культуру как элемент идеологической политики и инструмент вытеснения религиозного мировоззрения [6; 7]. Вместе с тем философско-антропологическое измерение Нового года как формы гражданской религии, в рамках которой сакрализуется фигура политического лидера и конструируется образ будущего, остается недостаточно разработанным.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составляет междисциплинарная стратегия, объединяющая философскую антропологию, философию культуры, элементы политической теологии и семиотический анализ, что позволяет рассматривать новогодний праздник как целостную символическую си-

стему. Используются методы герменевтической интерпретации текстов периодической печати и художественных произведений, визуальный анализ иллюстративных источников, сравнительный анализ рождественской и советской новогодней традиции, а также дискурс-анализ официальных и массовых нарративов, выявляющий способы репрезентации власти, времени и будущего; особое внимание уделяется реконструкции мифоритуальных структур, лежащих в основе новогоднего сценария, и их адаптации к условиям идеологического государства.

Результаты исследования

Отказ Советского государства от традиционной религии как легитимного источника сакральных смыслов не привел к исчезновению религиозного измерения общественной жизни. Напротив, он обусловил формирование специфической системы символов, ритуалов и ценностей, которые в совокупности могут быть интерпретированы как форма гражданской религии, в том смысле, в каком необходимость гражданской веры для устойчивости гражданского общества была обозначена еще Ж.-Ж. Руссо, а в XX в. концептуализирована Р. Беллой применительно к анализу американской политической культуры [9; 12]. В рамках данной теоретической перспективы гражданская религия понимается как особый символический порядок, в котором государство выступает носителем сакрализованной исторической миссии, а коллективные ритуалы и праздники функционируют как механизмы воспроизводства надличностных ценностей, обеспечивающих политическую лояльность и экзистенциальную укорененность субъекта в социальном целом, что позволяет экстраполировать данный аналитический инструментарий на исследование советской культурной политики 1930–1950-х гг.

В советском контексте отказ от религиозного календаря сопровождался актив-

ным поиском новых форм сакрального времени, и именно Новый год, как считает С. Б. Адоньева, оказался «единственной датой, которая ратифицировалась общественным атеистическим порядком как сакральное время, время чуда» [1, с. 370], что делает его ключевым объектом философско-культурного анализа. При этом в первые 15 лет советской власти Новый год официально не считался праздником, а праздничные практики носили фрагментарный и экспериментальный характер, что, по замечанию Т. Б. Митиной, отражало общее стремление власти трансформировать народные торжества в инструмент политической пропаганды и идеологической мобилизации [7, с. 147], поэтому в 1920-е гг. новогодние мероприятия часто представляли собой регламентированные собрания с докладами на актуальные социально-политические темы, дополненные элементами художественной самодеятельности, где главными героями становились красноармейцы, комсомольцы и рабочие, а религиозная символика сознательно вытеснялась или переосмысливалась в духе революционного нарратива [2, с. 29].

Решающим моментом институционализации советского Нового года стала публикация в конце 1935 г. статьи П. П. Постышева «Давайте организуем к Новому году детям хорошую елку», которая, по справедливому замечанию И. Ханиповой, фактически приобрела характер директивы и положила начало разработке стандартизированного детского новогоднего ритуала, строго регламентированного инструкциями органов власти [11, с. 226]: с этого момента Новый год начинает оформляться как централизованный государственный праздник, кульминацией которого становятся кремлевские елки, впервые проведенные после длительного перерыва в 1935 г., а в январе 1937 г. окончательно закрепляется дуэт Деда Мороза и Снегурочки как канонических персонажей советской праздничной мифологии.

Символическая структура советского Нового года формировалась путем сложного синтеза элементов дореволюционной рождественской традиции и новых идеологических смыслов, что позволяет говорить о сознательном конструировании светского аналога религиозного праздника, встроенного в систему государственной гражданской религии: как подчеркивает Т. А. Круглова, в этом ритуале сосуществуют архаические, традиционалистские и социалистические значения, а сама структура детского праздника становится матрицей и для взрослого празднования, временно превращая всех участников в «детей», верящих в чудо и обновление [4, с. 10]. В условиях атеистического государства идея чуда не исчезает, а переводится в символический регистр, где чудесное связывается с ожиданием светлого будущего, непрерывного улучшения жизни и исторического прогресса, что полностью соответствует логике гражданской религии, описанной Р. Беллой как система сакрализованных коллективных ожиданий [12].

Особое место в этом символическом комплексе занимают фигуры Деда Мороза и Снегурочки, происхождение которых, как указывает С. Б. Адоньева, восходит к литературным источникам XIX в., прежде всего к поэме Н. А. Некрасова «Мороз, Красный нос» и пьесе А. Н. Островского «Снегурочка». При этом именно советская культурная политика превратила этих персонажей в массовые и устойчивые образы, встроенные в государственный ритуал [1, с. 382]. Елка, интерпретируемая в европейской традиции как образ мирового древа, также была переосмыслена в советском ключе, сохранив форму, но изменив содержание, поскольку ее украшение наполняется новыми знаками, отражающими сакрализацию советского культурного проекта.

Материальные атрибуты праздника, такие как красные звезды, красные шары с

гербами и другими советскими символами, фигурки красноармейцев, пионеров, рабочих, изображения заводов, тракторов и дирижаблей, а также открытки, стихи и песни, прославляющие И. В. Сталина как заботливого «отца народов», выполняли функцию визуальных и вербальных символов государственной религии, в которой политическая власть наделялась чертами высшего морального начала. Анализ визуальной культуры новогодних украшений, проведенный А. А. Санниковой и В. Д. Бересневым, убедительно показывает, что внешний облик игрушек и праздничной атрибутики прямо зависел от идеологических установок государства и служил инструментом трансляции нормативных ценностей [10, с. 379]. В этом контексте новогодняя елка превращалась в своего рода алтарь светской веры, где сакральное присутствие государства становилось зримым и осязаемым [3, с. 23].

Важно отметить, что дореволюционный Новый год и Рождество не являлись по-настоящему массовыми праздниками и в значительной степени ассоциировались с городскими, прежде всего дворянскими, семьями, тогда как крестьянскому населению эти практики были во многом чужды, что облегчило их последующую трансформацию и идеологическое переосмысление в советский период. Эмиграция или социальная маргинализация носителей старых праздничных традиций создала культурный вакуум, который был заполнен новым государственным ритуалом, ориентированным прежде всего на детей и семью, но насыщенным отчетливым политическим подтекстом.

Как полагает Б. В. Куприянов на материале воспоминаний о советском детстве, именно Новый год стал ключевым событием годового цикла, оказавшим долговременное влияние на повседневную жизнь нескольких поколений, формируя устойчивую модель коллективного переживания

времени и истории [5, с. 180]. В этом смысле показателен и феномен, зафиксированный в источниках середины XX в., когда Дед Мороз в своих обращениях к детям рассказывал о производственных достижениях страны, количестве выплавленной стали и перспективах дальнейшего роста, что наглядно демонстрирует сращение мифологического и идеологического дискурсов в рамках одного ритуального действия.

Таким образом, опираясь на выводы С. Б. Адоньевой о мифоритуальной природе новогодней традиции, на анализ политизации праздников у И. Ханиповой, а также на исследования советской праздничной культуры как инструмента идеологической социализации у Л. В. Лебедевой и Т. Б. Митиной, можно утверждать, что советский Новый год в 1930–1950-е гг. представляет собой яркий пример функционирования гражданской религии, в рамках которой государство, отвергая традиционную религию, создало собственную систему сакральных символов, ритуалов и ожиданий, направленных на формирование коллективной веры в светлое будущее, ценности коллективизма, идею счастливого детства и возможность чуда, укорененного не в трансцендентном Боге, а в сакрализованной истории и политическом проекте СССР.

Анализ символических атрибутов советского Нового года в 1930–1950-е гг. позволяет рассматривать данный праздник как сложный культурно-политический конструкт, в котором элементы дореволюционной рождественской традиции были целенаправленно переосмыслены, переработаны и включены в новую систему смыслов, соответствующую логике советской гражданской религии и идеологического проекта государства. При этом символический язык Нового года формировался не стихийно, а в рамках нормативной культурной политики, направленной на создание сакрализованного пространства светского

праздника, способного заменить вытесненное Рождество и одновременно выполнять функции идеологической социализации, эмоциональной мобилизации и воспроизводства коллективной идентичности.

Центральное место в этом символическом комплексе занимал образ Деда Мороза, который, восходя к фольклорным и литературным источникам XIX в., в советском контексте утрачивает амбивалентность и мифологическую угрозу, превращаясь в исключительно позитивную фигуру, наделенную функциями дарителя, покровителя детей и медиатора между государством и семьей, поэтому его появление в ритуальном пространстве елки символизировало не сверхъестественное вмешательство трансцендентных сил, а заботу государства о подрастающем поколении. Включение в ритуал Снегурочки окончательно закрепило лишь в конце 1930-х гг., что свидетельствует о сознательном достраивании праздничной мифологии, ориентированной на детское восприятие и эмоциональную полноту ритуала.

Не менее значимым символом являлась елка, происхождение которой связано с северноевропейской христианской традицией и образом мирового древа, соединяющего различные уровни бытия (высший – небесный мир духов, низший – мир мертвых и средний – земной), однако в советской культуре она была лишена религиозного содержания и переосмыслена как универсальный знак обновления, изобилия и коллективной радости. При этом замена Вифлеемской звезды красной пятиконечной звездой представляла собой наглядный акт символического перевода сакрального центра, в котором христианский знак рождения Спасителя уступал место эмблеме советской государственности, армии и партии, тем самым утверждая новый источник высшего смысла и исторического предназначения. Елочные украшения также подверглись

глубокой идеологической трансформации: игрушки в виде рабочих, крестьян, красноармейцев, тракторов, самолетов, дирижаблей, а также шары с изображением планеты или серпа и молота выполняли функцию визуальных репрезентаций советского мифа о труде, прогрессе и глобальной миссии социализма.

Особую роль в структуре праздника играли открытки, плакаты и поздравительные тексты, в которых устойчиво воспроизводились образы счастливых детей, улыбающихся рабочих семей, индустриальных пейзажей и портреты И. В. Сталина, присутствие которого в новогоднем дискурсе создавало эффект символического надзора и заботы. Как отмечает И. Ханипова, новогодние утренники и сценарии праздников отличались высокой степенью политизации, поскольку стихи и песни, исполняемые детьми, прямо прославляли советскую власть и ее лидеров, что превращало праздничное действо в форму мягкой, но устойчивой идеологической индоктринации [11, с. 229]. Проводы старого года и встреча нового приобретали в этом контексте значение символического разрыва с прошлым и одновременно подтверждения непрерывности исторического движения вперед, где каждый следующий год мыслился как этап приближения к светлому будущему, что полностью соответствовало эсхатологической структуре советского проекта.

Принципиально важным элементом новогоднего ритуала стало официальное поздравление руководителей государства и партии, которое, начиная с середины 1930-х гг., все активнее внедрялось в массовое сознание через прессу и радио, выполняя функцию сакрализации политической власти и закрепления ее морального авторитета: эти обращения, адресованные всему народу, формировали ощущение включенности каждого отдельного человека в общее историческое целое и воспроизводили модель

Таблица
Сопоставительный анализ символического ряда
праздника Рождества и советского Нового года /
Table
Comparative Analysis of the Symbolic Series of Christmas and the Soviet New Year

Критерий / Criteria	Рождество в дореволюционной традиции / Christmas in the pre-revolutionary tradition	Новый год в СССР 1930–1950-х гг. / New Year's Eve in the USSR 1930s–1950s
Источник сакральности / Source of sacredness	Христианская вера, рождение Христа / Christian faith, birth of Christ	Государство, партия, светлое социалистическое будущее / State, Party, bright socialist future
Центральный персонаж / Central character	Младенец Христос, святые / Infant Christ, saints	Дед Мороз, Снегурочка, образ лидера / Ded Moroz (Father Frost), Snegurochka (Snow Maiden), image of the leader
Главный символ / Main symbol	Вифлеемская звезда / Star of Bethlehem	Красная пятиконечная звезда / Red five-pointed star
Тип чуда / Type of miracle	Божественное, трансцендентное / Divine, transcendent	Социальное, историческое, символическое / Social, historical, symbolic
Елка / Christmas / New Year tree	Религиозно окрашенный элемент праздника / Religiously colored element of the holiday	Светский символ обновления и изобилия / Secular symbol of renewal and abundance
Елочные украшения / Tree decorations	Ангелы, свечи, библейские мотивы / Angels, candles, biblical motifs	Красные шары, фигурки рабочих, крестьян, техника, звезды / Red balls, figures of workers, peasants, technology, stars
Социальный характер / Social character	Преимущественно семейный, элитарный / Predominantly family, elitist	Массовый, коллективный, детский / Mass, collective, child-oriented
Темпоральный смысл / Temporal meaning	Приход Спасителя, вечность / Coming of the Savior, eternity	Прогресс, движение вперед, новый этап / Progress, movement forward, new stage
Роль власти / Role of authority	Косвенная, через церковь / Indirect, through the church	Прямая, нормативная, регламентирующая / Direct, normative, regulatory
Официальные обращения / Official addresses	Священников, правящих архиереев / From priests, ruling archbishops	Регулярные поздравления руководства / Regular greetings from leadership

коллективного ожидания, в которой частная семейная радость соединялась с государственным нарративом о победах, испытаниях и будущих достижениях [6, с. 132]. Таким образом, Новый год оформлялся как семейный праздник, но при этом оставался глубоко публичным и политически нагруженным, что сближает его по функции с религиозными праздниками традиционного общества.

Для выявления специфики советского Нового года как светского аналога Рождества представляется продуктивным сопо-

ставить эти праздники по ряду ключевых критериев, что позволяет наглядно зафиксировать характер трансформации символического содержания (таблица).

Проведенное сопоставление показывает, что советский Новый год воспроизводил структурные элементы религиозного праздника, сохраняя ритуальную форму, эмоциональную насыщенность и ориентацию на чудо, но наполняя их принципиально иным содержанием, в котором сакральное смещалось из трансцендентной сферы в плоскость истории, политики и коллективного

будущего; именно в этом заключается философско-политический подтекст новогодней культуры СССР, где символы и ритуалы функционировали как инструменты формирования специфической антропологической модели советского человека, одновременно ребенка, гражданина и участника великого исторического проекта.

Анализ первой полосы выпуска газеты «Пионерская правда» от 31 декабря 1946 г. позволяет рассматривать данный номер как кульминационную точку формирования советской новогодней традиции, в которой праздничная символика, политическая мифология и элементы гражданской религии сливаются в единое семиотическое целое, задающее нормативную модель восприятия власти, времени и коллективного будущего. Сам факт обращения детской газеты к столь насыщенной символике указывает на то, что именно детство рассматривалось советской культурой как привилегированное пространство трансляции сакрализованных образов государства и его лидера, а Новый год выступал оптимальным моментом для закрепления этих образов на эмоционально наиболее восприимчивом уровне.

Центральным элементом первой полосы становится крупноформатный рисунок художника Л. М. Смехова, композиционно выстроенный таким образом, что фигура И. В. Сталина в маршальской форме оказывается смысловым и визуальным центром изображения, вокруг которого группируются дети, образующие плотный круг коллективного ожидания и доверия: И. В. Сталин изображен не в динамике политического действия, а в состоянии спокойного, почти созерцательного присутствия, его взгляд

устремлен вдаль, в символическое будущее, что принципиально сближает данный образ с иконографией отцовской фигуры и одновременно с архетипом мудрого покровителя. Важнейшей деталью является то, что дети буквально прилеплены к вождю, прикасаются к его шинели, тянутся к нему руками, что создает эффект телесной близости и подчеркивает его доступность и включенность в частную, семейную сферу.

Особого внимания заслуживает фигура девочки в белой пуховой шапочке, визуаль-но отсылающей к образу Снегурочки, которая традиционно сопровождает Деда Мороза в новогоднем ритуале, поскольку именно через нее осуществляется семиотический мост между сказочной традицией и политической реальностью. Таким образом, И. В. Сталин в данной композиции фактически занимает место Деда Мороза, но при этом сохраняет все атрибуты государствен-

Рисунок. Первая полоса выпуска газеты «Пионерская правда» от 31 декабря 1946 г. /

Figure. The first page of the Pioneer Pravda newspaper issue dated December 31, 1946

ной власти, что свидетельствует о сознательном наложении двух символических ролей и о превращении политического лидера в центральную фигуру праздничного мифа. Ребенок на переднем плане, протягивающий руки в полосатых варежках, усиливает мотив ожидания чуда, однако это чудо мыслится не как трансцендентное, а как социально и политически гарантированное.

Фон изображения также имеет принципиальное значение, поскольку Кремль и Спасская башня образуют устойчивый визуальный контур, намертво сцепленный с фигурой И. В. Сталина, что позволяет рассматривать Кремль не просто как архитектурный объект или государственный символ, но как персонализированное пространство власти, тождественное самому вождю. В данном контексте Кремль выступает в роли сакрального центра, аналога мифологической обители высшей силы, откуда исходит забота, защита и благословение, а потому формула «Новый год в Кремле встречая» приобретает значение ритуального действия, сравнимого с пребыванием божества в храме в момент ключевого календарного перехода.

Текстовое сопровождение изображения, представленное стихотворением С. В. Михалкова «Сталин думает о нас», усиливает и рационализирует визуальный посыл, превращая рисунок в часть целостной символической конструкции.

Новый год! Над мирным краем
Бьют часы двенадцать раз...
Новый год в Кремле встречая,
Сталин думает о нас.

Он желает нам удачи
И здоровья в Новый год,
Чтоб сильнее и богаче
Становился наш народ.

Чтобы взрослые и дети –
Нашей Родины сыны –

Жили лучше всех на свете
И не ведали войны.

Сталин знает неизвестных
Дочерей и сыновей, –
Всех людей прямых и честных,
Верных Родине своей.

Тот плывет на ледоколе,
Этот пробует летать,
Тот еще в начальной школе
Книжки учиться читать.

За горами, за долами,
В кишлаке своем родном,
Мальчик смотрит за стадами –
Сталин знает и о нем.

Даже песню Сталин слышит,
Что в степи пастух поет.
Мальчик Сталину напишет –
Из Кремля ответ придет.

За Уралом, на Байкале,
Ты больной лежишь в избе,
Ты не бойся – знает Сталин,
Помнит Сталин о тебе.

Он пошлет людей надежных,
Чтоб тебя в тайге найти,
Отыскать в глуши таежной
И от гибели спасти.

Новый год! Над мирным краем
Бьют часы двенадцать раз...
Новый год в Кремле встречая,
Сталин думает о нас.

Он желает нам удачи
И здоровья в Новый год,
Чтоб сильнее и богаче
Становился наш народ! [8]

Уже первая строфа задает сакрализован-
ный ритм повествования, в котором удары ча-

сов 12 раз выполняют функцию ритуального маркера перехода времени, аналогичного колокольному звону в религиозной традиции, после чего следует ключевая формула: «Новый год в Кремле встречая, Сталин думает о нас», в которой мысль вождя предстает как универсальный акт заботы, охватывающий все пространство страны. Повторяемость этой формулы в начале и конце стихотворения создает кольцевую композицию, характерную для фольклорных заговоров, молитв и заклинаний, что придает тексту характер квазирелигиозного обращения и усиливает его суггестивный эффект.

Стихотворение последовательно разворачивает образ всеведущего и вездесущего лидера, который знает «неизвестных дочерей и сыновей», слышит песни пастухов, помнит больного в далекой избе и способен направить «людей надежных», чтобы спасти человека от гибели. Здесь отчетливо воспроизводится мотив всевидящего покровителя, структурно сходный с образом божества в традиционных религиях, однако перенесенный в плоскость светской политической мифологии. Фольклорные элементы усиливаются за счет повторов, перечислений и образов пространственной протяженности страны, таких как Урал, Байкал, тайга, степь, что формирует представление о целостном и однородном сакральном пространстве, полностью охваченном вниманием центра.

Характерная надпись на первой полосе «С новым годом, милая Родина! С новым годом, дорогой Иосиф Виссарионович!» окончательно закрепляет архетипическую структуру изображения и текста, в которой Родина и вождь оказываются парными фигурами, соотносимыми с образами божественных Матери и Отца: данная бинарность имеет глубокие антропологические корни и активно используется в символических системах власти, поскольку позволяет одновременно апеллировать к эмоциональной привязанности и к чувству долга,

объединяя интимное и публичное в едином праздничном жесте.

В совокупности визуальный ряд и поэтический текст первой полосы «Пионерской правды» от 31 декабря 1946 г. демонстрируют, что советский Новый год к середине 1940-х гг. окончательно оформился как ритуал гражданской религии, в рамках которого И. В. Сталин выполняет функцию светского Деда Мороза, сакрализованного покровителя и гаранта будущего благополучия. Именно в этой точке праздничная культура перестает быть просто формой досуга или детского развлечения и превращается в инструмент философско-политического конструирования субъекта, для которого ожидание чуда неразрывно связано с фигурой власти, а личное счастье мыслится как производное от ее заботы и всеведения.

Обсуждение и заключение

Полученные в ходе исследования результаты позволяют рассматривать советский Новый год не просто как календарный праздник или форму культурного досуга, но как особую символическую матрицу, внутри которой осуществлялось воспроизводство фундаментальных оснований советского политического и антропологического порядка, причем именно его кажущаяся аполитичность и ориентация на детство, семью и радость оказывались теми условиями, которые обеспечивали высокую степень эффективности данного ритуала в деле легитимации власти и формирования устойчивых форм коллективной идентичности, поэтому новогодний праздник, будучи встроенным в повседневную жизнь, функционировал как пространство мягкой, но всеобъемлющей идеологической интерпелляции, в рамках которой ребенок усваивал не только нормативные представления о государстве и будущем, но и специфический способ эмоционального отношения к власти как источнику заботы, защиты и гарантированного смысла исторического движения.

Особую роль в данной системе играл образ И. В. Сталина, который в новогоднем дискурсе приобретал черты сакрального посредника между государством и человеком, совмещая в себе функции верховного правителя, всеведущего наблюдателя и дарителя благ, что отчетливо проявляется в визуальных и текстовых источниках конца 1940-х гг., где он оказывается композиционным центром праздничного повествования. В этом контексте фигура И. В. Сталина может быть интерпретирована как трансформация архетипического образа Отца, перенесенного из религиозного воображения в сферу политической мифологии, что позволяет говорить о формировании специфической формы гражданской религии, в которой сакральное не исчезает, а лишь радикально переопределяется, обретая светский, но при этом метафизически нагруженный характер: через новогодний ритуал власть не столько навязывалась, сколько переживалась как естественная и желанная, поскольку она встраивалась в структуру ожидания чуда, обновления и справедливого будущего, что особенно значимо в условиях послевоенного времени, требовавшего компенсации травматического опыта и символического восстановления разрушенного мира.

Не менее важным аспектом является темпоральная структура новогоднего праздника, в которой идея разрыва и преемственности соединяются в особой конфигурации, позволяющей одновременно зафиксировать утрату прошлого и подтвердить устойчивость существующего порядка, поскольку уходящий год интерпретируется как этап, преодоленный усилиями государства и народа, тогда как наступающий год предстает как продолжение уже заданного вектора исторического развития. В этой логике будущее мыслится не как открытая неопределенность, а как гарантированное и заранее санкционированное пространство улучшения, что формирует у субъекта спец-

ифическую антропологическую установку на терпение, ожидание и доверие к исторической миссии государства. Новогодний ритуал, таким образом, не инициирует радикального перехода, но закрепляет циклическое воспроизводство порядка, в рамках которого надежда становится инструментом политической стабильности.

Следует подчеркнуть и то обстоятельство, что новогодний праздник в советской культуре выступал формой символического синтеза частного и публичного, поскольку, с одной стороны, он разыгрывался в пространстве семьи и детского воображения, а с другой – был регламентирован, насыщен официальными образами и транслировал государственные нарративы через открытки, плакаты, тексты поздравлений и публичные ритуалы. Такое наложение сфер создавало эффект тотальности праздничного опыта, при котором идеология переставала восприниматься как внешняя по отношению к человеку сила и становилась частью его интимного жизненного мира. Именно в этом заключается одна из ключевых особенностей советской праздничной культуры, где власть стремилась не столько контролировать поведение, сколько формировать способы чувствования, ожидания и переживания времени.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что культура празднования Нового года в СССР в 1930–1950-е гг. представляла собой сложный философско-антропологический феномен, выполнявший функции символического фундамента советского социального и политического порядка, в рамках которого осуществлялась трансляция ключевых ценностей, моделей идентичности и антропологических установок, обеспечивающих устойчивость идеологической системы. Новый год, ставший единственным сакральным временем в условиях официального атеизма, оказался пространством институционализированной гражданской религии, где через ритуалы,

образы и нарративы происходила сакрализация государства и его лидера, а также формировалось представление о будущем как о морально оправданном и гарантированном результате коллективного исторического движения.

Анализ символических структур новогоднего праздника показывает, что его эффективность была обусловлена обращением к универсальным архетипическим моделям, связанным с детством, чудом, даром и фигурой Отца, что позволяло встроить политическую власть в глубинные слои культурного и эмоционального опыта человека. В этом смысле советский Новый год выступал не просто заменой религиозного Рождества, но его функциональным эквивалентом, адаптированным к условиям идеологического государства и лишенным трансцендентного измерения, однако сохраняющим мифологическую структуру ожидания спасения и обновления.

С философско-антропологической точки зрения данный праздник способствовал формированию особого типа личности, ориентированной на коллективное будущее, доверие к государству и принятие исторической необходимости, что выражалось в готовности соотносить личные ожидания и надежды с официально заданными моделями поведения. Устойчивость новогоднего ритуала и его воспроизводимость в постсоветском культурном пространстве свидетельствуют о глубине заложенных в нем символических механизмов, которые продолжают функционировать даже после утраты первоначального идеологического контекста. Тем самым анализ советского Нового года открывает перспективы дальнейших исследований в области философии культуры, политической мифологии и антропологии власти, позволяя рассматривать праздничные практики как ключевые формы символического производства социального порядка и исторического сознания.

Список источников

1. *Адоньева С. Б.* История современной новогодней традиции // Мифология и повседневность: материалы науч. конф. СПб., 1999. С. 368–388.
2. *Винник А. В.* Возникновение ритуала советских праздников: семиотические аспекты // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Филология. 2010. № 6. С. 28–31.
3. *Кононов Д. С.* Новый год в советской праздничной культуре: становление современных традиций // Театрализованные формы современной праздничной культуры России: сб. материалов науч. практ. конф. Белгород, 2023. С. 22–26.
4. *Круглова Т. А., Саврас Н. В.* Новый год как праздничный ритуал советской эпохи // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2010. № 2. С. 5–14.
5. *Куприянов Б. В., Порохова А. А.* Трансформация новогоднего праздника в СССР: реконструкция по современным воспоминаниям о советском детстве // Этнографическое обозрение. 2022. № 3. С. 176–196. DOI: 10.31857/S0869541522030101.
6. *Лебедева Л. В.* Становление советской праздничной культуры // Тенденции развития науки и образования. 2022. № 91–4. С. 131–133. DOI: 10.18411/trnio 11-2022-201.
7. *Митина Т. Б.* Празднование Нового года в 1920–1930 е гг. в СССР // Природно географические факторы в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы междунар. науч. конф. СПб., 2019. Т. 2. С. 146–151.
8. *Михалков С. В.* Избранные произведения. М.: Гослитиздат, 1950. 248 с.
9. *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре. Трактаты / пер. с фр. М.: КАНОН пресс; Кучково поле, 1998. 416 с.
10. *Санникова А. А., Береснев В. Д.* Новый год по-советски: как идеология формировала праздничные украшения // Мир науки и искусства: сб. ст. по материалам Всерос. науч. практ. конф. Пермь, 2025. С. 377–383.
11. *Ханитова И.* «Да здравствует Новый советский год» (политизация новогодней елки в советской России) // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2012. № 3–4. С. 224–232.
12. *Bellah R. N.* Civil Religion in America // Daedalus. 1967. Vol. 96, No. 1. P. 1–21.

References

1. Adon'eva S. B. The history of the modern New Year tradition. *Mifologiya i povsednevnost': materialy nauch. konf.* = Mythology and everyday life: conference proceedings. 1999, P. 368–388. (In Russ.)
2. Vinnik A. V. The Emergence of the Soviet Holidays Ritual: Semiotic Aspects. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filologiya* = Bulletin of Tver State University. Ser.: Philology. 2010. No. 6. P. 28–31. (In Russ.)
3. Kononov D. S. New Year in Soviet festive culture: the formation of modern traditions. In: *Teatralizovannye formy sovremennoi prazdnichnoi kul'tury Rossii: Theatrical forms of modern festive culture in Russia: proceedings of the Regional scientific and practical conference*. Belgorod: Belgorod State Institute of Arts and Culture, 2023, P. 22–26. (In Russ.)
4. Kruglova T. A., Savras N. V. New Year as a festive ritual of the Soviet era. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki.* = Proceedings of the Ural State University. Series 2: Humanities. 2010; 76(2): 5–14. (In Russ.)
5. Kupriyanov B. V., Porokhova A. A. Transformation of the New Year holiday in the USSR: reconstruction based on contemporary memories of Soviet childhood. *Etnograficheskoe obozrenie* = Ethnographic Review. 2022; 3: 176–196. DOI 10.31857/S0869541522030101. (In Russ.)
6. Lebedeva L. V. Formation of Soviet festive culture. *Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya* = Trends in the Development of Science and Education. 2022; 91-4: 131–133. DOI 10.18411/trmio 11 2022 201. (In Russ.)
7. Mikhalkov S. V. Selected works. Moscow: Goslitizdat, 1950, 248 p. (In Russ.)
8. Mitina T. B. Celebrating the New Year in the 1920s–1930s in the USSR. In: *Natural and geographical factors in the everyday life of the Russian population: history and modernity: conference proceedings*. Vol. 2. Saint Petersburg: Pushkin Leningrad State University, 2019, P. 146–151. (In Russ.)
9. Rousseau J.-J. On the Social Contract. *Treatises / transl. from French*. Moscow: KANON press; Kuchkovo pole, 1998, 416 p. (In Russ.)
10. Sannikova A. A., Beresnev V. D. New Year in the Soviet style: how ideology shaped festive decorations. In: *World of science and art: proceedings of the All Russian scientific and practical conference*. Perm: Perm State National Research University, 2025, P. 377–383. (In Russ.)
11. Vinnik A. V. The emergence of the ritual of Soviet holidays: semiotic aspects. *Bulletin of Tver State University. Series: Philology*. 2010; 6: 28–31. (In Russ.)
12. Bellah R. N. Civil Religion in America // *Daedalus*. 1967. Vol. 96, No. 1. P. 1–21. (In Eng.)

Поступила 18.12.2025.

Сведения об авторе

Грицай Людмила Александровна – доктор педагогических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории педагогики Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского (Ярославль, Россия). Сфера научных интересов: история культуры, история педагогики, родительская культура. Автор более 250 научных и учебно-методических публикаций. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3156-4074>.

E-mail: usan82@gmail.com

Submitted 18.12.2025.

About the author

Lyudmila A. Gritsai – Doc. Sci. (Pedagogy), Associate Professor, Associate Professor at the Department of Theory and History of Pedagogy, K. D. Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University (Yaroslavl, Russia). Research interests: history of culture, history of pedagogy, parental culture. The author of over 250 scientific and educational methodical publications. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3156-4074>

E-mail: usan82@gmail.com